

| | | | | |
|-----|---------|--------------|-----------------------|--|
| 299 | 0236-01 | ИГОРЬ ЧИННОВ | "Свидетель обвинения" | Часть 1 "Захотелось порезвиться" |
| 300 | 0236-02 | ИГОРЬ ЧИННОВ | "Свидетель обвинения" | Часть 2 "Над рассветами и расстрелами" |
| 301 | 0236-03 | ИГОРЬ ЧИННОВ | "Свидетель обвинения" | Часть 3 "Не надо бояться" |

"Свидетель обвинения" (Коренблит – Чиннов)

Часть 3 "Не надо бояться"

| | |
|-----------------------------|----------------|
| 1(49). Эх ты, жизнь | – 1.18 |
| 2(50). Прощание | – 1.39 |
| 3(51). Тоже... Только... | – 1.30 |
| 4(52). Дни мои | – 1.34 |
| 5(53). Память | – 1.17 |
| 6(54). Ржавое | – 1.18 |
| 7(55). И суда нет | – 1.34 |
| 8(56). Мне хочется | – 1.29 |
| 9(57). Мало-помалу | – 1.16 |
| 10(58). «Свобода воли» | – 1.00 |
| 11(59) Не надо бояться | – 1.13 |
| 12(60). Темный рок | – 1.16 |
| 13(61). Парижская | – 1.07 |
| 14(62). То то, то другое | – 1.32 |
| 15(63). Развлечения | – 1.09 |
| 16(64). Перевоплощения | – 1.15 |
| 17(65). Свидетель обвинения | – 1.42 |
| 18(66). И советую тебе! | – 1.03 |
| 19(67). Или нет? Или да? | – 1.17 |
| 20(68). Душа | – 1.28 |
| 21(69). Когда-нибудь | – 1.24 |
| 22(70). Разные рестораны | – 1.55 |
| 23(71). Ангел расплаты | – 2.06 |
| <i>Общее время звучания</i> | <i>– 32.22</i> |
| <i>Общее время звучания</i> | <i>–102.29</i> |

СОДЕРЖАНИЕ

Часть 3 "Не надо бояться"

1. ЭХ ТЫ, ЖИЗНЬ

Загуляй ты, выпей полдиковинки,
 Целовать кидайся целовальничка,
 Надивись на дивные штуковинки,
 На девиц-красавиц балаганчика!
 Барабанщики там и бубенчики,
 А на лбу серебряные венчики.

Суматошливо-то, скоморошливо,
 Без горячих слез, пляша-играючи,
 И ни будущего, и ни прошлого,
 О, голубушки мои, не знаю чьи,
 Было давеча, стало нонече.
 Пляшут ангелы, скинув онучи!

О, немножечко хоть, Боже наш, немножечко —
 Ах, да что же, мужичку уже неможется.
 Хоть машинка заливается натужная,

Да слезинка наливается жемчужная:
Где ж ты, нежная царица Шемаханская?
Эх ты жизнь, как говорится, арестантская!

2. ПРОЩАНИЕ

Я всё ещё помню Балтийское море,
Последние дни перед вечной потерей.
И кружатся звуки, прозрачная стая,
Прощаясь, печалюсь, печально играя.

Мы берегом светлым вдвоем проходили,
Вода на песке становилась сияньем
И ясные волны к ногам подбегали,
Прощаясь прохладным, прозрачным касаньем.

О, если б тогда, посяяв на прощанье,
Летейскими стали балтийские волны!
О, если бы стал неподвижно-безмолвный
Закат над заливом завесой забвенья.

А впрочем, я реже, смутней вспоминаю.
Журчанье беспамятства громче и слаще.
И звуки теней над померкшей водою
Лишь шепот. Лишь шелест. Лишь шорох шуршащий.

3. ТОЖЕ ТОЛЬКО...

Даже в полночь — будничный мир,
Скребется не призрак, амышь.
И в саду кружит не вампир,
А летучаямышь.
— Тожемышь.
Толькомышь.

И печален будничный мир.
Снова дождь и лай или плач.
И вода за стенкой шумит
С хриплым всхлипом, как плач.
— Тоже плач.
Только плач.

Может быть, мировая скорбь
Не тоска, не скука, не боль
И не грустный Богу укор,
А зубная лишь боль.
— Тоже боль.
Только боль.

4. ДНИ МОИ

Дни мои, бедная горсточка риса...
Быстро клюет их серая птица.
Мелкий стеклярус кустов барбариса
К позднему утру весь испарится.

Осень. Валяется блеклая слива
 В грязных остатках бывшего ливня.
 Как ей в грязи тускловатой тоскливо!
 Если б могла — она бы завывала.

Ну а солдатом (а пули-то низко)
 В луже валяться? Страшно и слизко.
 В черном болоте, как черная крыса...

Дни мои, бедная горсточка риса.

5. ПАМЯТЬ

Помню изгородь, помню жимолость,
 На крыльце серебристую изморозь,
 А на окнах — морозную живопись.

Это память плющом цепляется,
 А стена — завалилась, заляпана
 Черной известью, шлаком, слякотью.

...Поплыли дымки — гуси-лебеди,
 И домашний очаг — бомбой вдребезги:
 Ну, друг Иов, живи — в страхе-трепете,

Дым не хуже был, чем у Авеля...
 О дыхание дымного ангела
 Там, где армия жгла и грабила!

6. РЖАВОЕ

Ржавые рельсы и ржавые рыжие сосны.
 В рыжих колючках и проволока: поржавела.
 Лист порыжелый пристал к поржавелой колючке.

Рыжая глина. И тени — косые полосы,
 Тени от проволоки. Трава — там, где мертвое тело, -
 Рыжая тоже. Эх, тучки небесные, тучки!

Рыжая хвоя за шпалами, свет на тропинке:
 Шибко стреляли, а вот — не видать ни кровинки!

Ржавым забрызгало, что ли, сухой можжевельник.
 Ну, размозжили: бежал, да попался, бездельник.

7. И СУДА НЕТ

Только ветер пролетит, пойдет широко,
 Над Онегой, а потом — над Окой.

Только свет на непрозрачной тугой волне
 Покачнется над ершом в глубине.

Только золотом пальнет отряд пескарей,
 Только облако пойдет поскорей,

Или утки к селезню подплывут,
Он блестит, зеленый — ну изумруд!

(Сочетание в реке утиных теней
С отражениями русских церквей.)

Надо бы хоть уткой туда доплыть.
Ну да что говорить, о чем говорить!

Сказано — нет, и — сколько лет, сколько лет!
Нет и нет, а на нет — и суда нет.

8. МНЕ ХОЧЕТСЯ

В безвыходной тюрьме Необходимости,
В застенке беспросветной Неизбежности,
В остроге безнадежной Невозможности

Мне хочется Господней дивной милости,
Мне хочется блаженной Отчей жалости,
Мне этой безысходности не вынести!

Мне хочется прозрачности, сияния,
Прощения, любви, освобождения,
Свободы, благодати, удивления,
Твоих чудес. Чудес! Преображения!

Мне хочется — из мертвых воскресения!

9. МАЛО-ПОМАЛУ

Мало-помалу, мало-помалу,
И вот и вся недолга.
Будто подходит поезд к вокзалу
И серебрятся снега.

Будто звучит труба Азраила
На заснеженном пути.
Многое было, многое сплыло.
Крути, Гаврила, крути.

Мелет Емеля в белой метели:
Эх, замело меня, друг!
Сам Азраил свистит на свирели,
И воют волки вокруг.

Жил потихоньку, жил помаленьку —
Мелким, мелким шажком!
Трудно плестись домой в деревеньку
Под бесноватым снежком.

Нет, не подходит поезд к вокзалу.
Жжет ледяная пурга.
Мало-помалу, мало-помалу —
И вот и вся недолга.

10. «СВОБОДА ВОЛИ»

Уйти? Остаться? Сердце мается.
«Свобода воли»... Полно врать:
Свободой воли называется
Необходимость выбирать.

А выбирать — не знаю, стоит ли.
Пусть лучше выберете Вы.
Ах, две охапки сена стоили
Ослу ослиной головы:

Две одинаковых (Нелепица!
Ну хоть бы спор Добра и Зла!),
И между ними все колеблется
Тень Буриданова осла:

Какой охапке предпочтение
Отдать? Какую первой съест?
Стоял осел в недоумении,
Пока его не съела смерть.

11. НЕ НАДО БОЯТЬСЯ

Нейтронная бомба не тронет меня.
— Не тронь меня, бомба, — я тихо скажу. —
Мой Ангел стоит, от печали храня.
К тому же я занят: я рыбу ужу.

А впрочем, кончаются годы мои.
На дереве жизни последний листок
Трепещет над холодом темной струи.
Прощай, моя рыбка! Прощай, червячок!

Но мне говорят, что конец не конец,
И ждет меня встреча в небесной стране.
Там душу простят, поведут под венец,
И это, наверно, понравится мне.

Не надо бояться. Там вечность и рай.
Я смело вступлю на таинственный мост. —
О, ехать так ехать, — сказал попугай,
Когда его кошка — из клетки — за хвост.

12. ТЁМНЫЙ РОК

Пляшет, скачет темный Рок,
То ли демон, то ли дервиш.
Он тебя — в бараний рог.
Не умолишь, не удержишь.

Ну а все же — шевелись!
Пробуй жисть отдать не даром.
Прыгай вверх и прыгай вниз.
Стань джигитом, стань кентавром.

— Мистер Рок! Мадам Судьба!
 Где уж нам уж, где уж нам уж...
 — Ты ж ишак, Али Баба!
 Шевелись! Скачи к Сезаму!

Сквозь туман и сквозь мираж
 Извивайся, изменяйся.
 Делибаш, пляши чардаш
 На Пегасе, на Парнасе!

Раз — и прошлое не в счет!
 Перевоплотись под старость!
 Кто младенца понесет?
 Белый ангел? Белый аист?

13. ПАРИЖСКАЯ

Парижская старая пена,
 Осенняя серая Сена,
 Сырая стена.

И снова — привычное дело,
 И снова — прильнувшее тело,
 Где мало тепла.

И дождик мерцает над миром,
 Над этим болезненным жиром,
 Над черным двором.

К холодным отелям-постелям
 (По дням, по часам, по неделям)
 Под нежным дождем.

И видеть не грусть и не муку,
 А грудь и нежнейшую руку
 С пятном, где укус.

14. ТО ТО, ТО ДРУГОЕ

То то, то другое, то то, то другое,
 А хочется озера, сосен, покоя.

Среди ежевики, синики, черники —
 И голос души, словно тень Эвридики.

И я очутился в той роще осенней,
 У берега детских моих впечатлений.

И больше не прибыль, не убыль, не гибель,
 А лист, пожелтый, на водном изгибе

И жук, малахитовый брат скарабея,
 Жужжащий в траве, от нее голубея.

Там, словно под тенью священного лавра,
Корова лежит с головой Минотавра,

Египетским богом там кажется дятел
И я наблюдаю, простой наблюдатель,

За уткой, которая в реку влетела,
Как в небо — душа (только более смело?).

15. РАЗВЛЕЧЕНИЯ

То, что было утешением,
Перестало утешать.
Но порою, тем не менее,
Развлекаюсь я опять.

Развлекаюсь грубым холодом,
Жестким ветром, мутным днем,
Развлекаюсь скучным городом —
И проходит день за днем.

Не в России, так в Германии.
Вот гуляю вдоль реки,
Развлекаюсь сочетанием
Равнодушья и тоски.

16. ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЯ

Я думал перевоплотиться
В красавицу или красавца,
В Нарцисса или Царь-Деву, —
Но, вероятно, не удастся.

Я собирался стать Жар-Птицей,
Павлином, Фениксом, секвойей,
Орлом, который громоздится
Над снегом горного покоя.

Мечту на мелочи разменим:
Придется удовлетвориться
Смирненным перевоплощеньем
В рябину, сосенку, синицу.

А может быть, и это много,
И в лучшем случае я стану
Туманом над лесной дорогой,
Дымком, примешанным к туману?

17. СВИДЕТЕЛЬ ОБВИНЕНИЯ

И я свидетель обвинения
(Я плакал чаще, откровеннее),
Но, принимая во внимание,
Что при ближайшем рассмотрении
Черты божественной гармонии
Заметить можно в мироздании;

Что предусмотрено заранее:
 Мое ночное задыхание,
 Житейские колючки-тернии,
 Большое небо предвечернее
 (Оно становится печальнее);
 Что, что скажу я в заключение?

Что из небесной Руритании,
 Где встретят нас благие гении,
 Приплыло облако весеннее?
 Что нет состава преступления?
 И что Виновник мироздания
 Заслуживает снисхождения?

18. И СОВЕТУЮ ТЕБЕ!

Наплывает черный парус,
 Навевает холодок,
 Зарывает глупый страус
 В страхе голову в песок.

Тоненько песок струится
 Сквозь песочные часы,
 Падают его крупницы
 На дрожащие весы.

Я любитель долголетия,
 Оттого моя тоска,
 Что останется на свете
 Просто горсточка песка,

Что навевает черный парус
 Нежитейский холодок,
 Что зарюют, глупый страус,
 Наши головы в песок.

Эй, постойте, дайте срок!
 Не печалься, милый страус:
 Я наперекор судьбе
 Жить подольше постараюсь —
 И советую тебе!

19. ИЛИ НЕТ? ИЛИ ДА?

Эта льдинка в хрустальном стакане
 Да, ледышка, растает сиянье.
 Ну и тай, ну и тай, ну и тай!

(А на полюсе солнечный глетчер
 Ослепителен, дивен и вечен,
 И, за вычетом холода, — рай.)

Уплывает, как тающий айсберг,
 Эта жизнь, и кончается праздник.

Говорят: нынче есть, завтра нет.

Но душа, как бушующий гейзер,
Вдруг прорвется сквозь холод и ветер.
Или нет? Или да? Или нет?

20. ДУША

Ночная бабочка, мохнатая, как филин,
Вещественней твоей души.
Я душу нежную вообразить бессилён.
Душа, на стекла подыши!

И даже изморось, стоящая туманом,
Вещественнее, чем она.
– Но невидимка-музыка внятна нам?
Так упоительно внятна!

Соната нежная, незримый запах розы –
Душа едва ль незримей их? —
Да-да, конечно. Праздные вопросы.
Душа не хочет слов таких.

Мне грустно, что она бесплотное создание,
Бесплотней тени на снегу.
Мне грустно потому, что даже на прощанье
Ее обнять я не смогу.

21. КОГДА-НИБУДЬ

Когда-нибудь, потом, потом, впоследствии
(А может быть — уже в апреле?)
Нас всех сполна вознаградят за бедствия,
Которые мы претерпели.

И к вам законы о вознаграждении
Применят, милый, в полной силе:
Какое-то весьма красивое растение
На вашей вырастет могиле.

Увы! Шиповником, который мне достанется,
Потомство будет недовольно.
Все скажут: «Был он, вероятно, пьяница –
Фиалки маленькой довольны».

22. РАЗНЫЕ РЕСТОРАЦИИ

Закусили в земной забегаловке,
А теперь — в неземной ресторан!
Постарели с тобой в Гореваловке,
Полетим в голубой Раестан!

Знаю, было немало хорошего;
Детский голос из ягодных мест,
Предвесеннее льдистое крошево
И осенний над озером блеск.

И весна. Соловьиное шелканье.
Только жизнь — не одна благодать:
И болели, и были оболганы,
Довелось голодать-холодать.

Помечтаем, что в райской империи
Пышный пир для заблудших овец
И, прощая нам наше неверие,
Пригласил нас Небесный Отец.

Пред очами Его милосердными
Там навек — ни сумы, ни тюрьмы.
И мы станем блаженно-бессмертными,
И с блаженными встретимся мы.

Верно, ангелы вовсе не грозные.
Что же все застигает туман?.. —
Ни нектара тебе, ни амброзии,
И небесный закрыт ресторан.

23. АНГЕЛ РАСПЛАТЫ

Всё темней тишина, это сон океаном синеет.
Авраам, Авраам! Это Ной, это Ной и потоп...
Над разбитым ковчегом... И волны — темнее, сильнее.
Нет, какой Араат, это айсберг, и кто там спасет...

Скоро воздух взорвется — и станет светлее зари.
Я не знаю, успеет воздушный ковчег прилуниться?
Вавилон, Вавилон, это башня упала, смотри,
И, на камнях белея, в крови умирает блудница.

Мне на миг показалось... Да нет, почему Азраил,
Только мутные тучи и ночь, никаких Азраилов...
Только ветер, пророк бородатый, я знал, я забыл.
Он ночами стучался, но ты не пошла, непустила.

Хриплый голос во сне... Ханаан, Ханаан, Ханаан...
Мы вернёмся, вернёмся... Да нет, никогда не вернёмся.
Обрывается дождь, осыпается дождь в океан.
Видишь — Ангел Расплаты. Ну что же, иди — познакомься.